

Научно-исследовательская

УДК 159.954

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.06

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВООБРАЖЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ: РОЛЬ ИНТУИЦИИ В СОЗДАНИИ ГЕРОЕВ

А. В. Маслова

Московский государственный лингвистический университет,

ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Москва, Россия, 109240,

an_maslova@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию психологического воображения, которое активизируется в процессе создания характеров героев литературного произведения, а также в процессе восприятия другого человека.

Рассматривается воображение как когнитивная способность, являющаяся частью сознания и имеющая силу воздействия на психологическую реальность человека. С одной стороны, воображение является связующим звеном между восприятием и целостным образом реальности; с другой стороны, оно позволяет выйти за пределы собственной личности и увидеть многообразие проявления другого способа существования. В качестве основы для анализа берется концепция ядерных аффектов, созданная на стыке психиатрии, психологии и философии, в основе которой лежит реальная психиатрическая практика. Согласно этой концепции существуют три различных модуса человеческого бытия, каждый из которых по-своему размыкает реальность. Причем каждый человек обладает лишь одним из трех способов существования, что ограничивает его восприятие мира. Однако воображение как возможность трансценденции позволяет выйти за пределы своей психологической ограниченности и буквально увидеть сущностные качества другого, отличного от своего способа существования. Более того, такое воображение становится психологическим, поскольку направлено на понимание через чувствование ядерной структуры другого человека или героя литературного произведения. В данной работе концепция ядерных аффектов позволяет сформулировать значимость психологического воображения

как способность видеть целостность человеческой природы. На примере создания героев романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» демонстрируется работа психологического воображения как мгновение психологического достраивания личностей героев, что соответствует функции интуиции. Именно интуиция как пограничная способность между сознательным и бессознательным включается в творческий процесс работы психологического воображения. Таким образом, мы получаем гибридную интуитивную способность проникать в сущностную, ядерную структуру психики человека.

Ключевые слова: психологическое воображение, интуиция, когнитивный феномен, сознание, мышление, способ существования

Для цитирования: Маслова А. В. Эпистемологический анализ воображения в литературном творчестве: роль интуиции в создании героев // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 66–78. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.06>

Scientific research

UDC 159.954

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.06

EPISTEMOLOGICAL ANALYSES OF IMAGINATION IN THE LITERATURE WORK: THE ROLE OF INTUITION IN THE PROCESS OF CREATING HEROES

Anastasia V. Maslova

Moscow State Linguistic University,
st. Ostozhenka, 38, p. 1, Moscow, Russia, 109240,
an_maslova@inbox.ru

Abstract. The article is devoted to the study of psychological imagination, which is activated in the process of creating the characters of a literary work, as well as in the process of perception of another person.

We consider imagination as a cognitive ability, which is part of consciousness and has the power to influence the psychological reality of the person. On the one hand, imagination is a link between perception and a holistic image of reality, on the other hand, it allows to go beyond one's own personality and see the diversity of manifestation of another way of existence. The concept of nuclear affects, created at the crossroads of psychiatry, psychology and philosophy, is taken as the basis of the analysis, based on real psychiatric practice. According to this concept, there are three different moduses of human existence, each of which unlocks reality in its own way. And each person possesses only one of the three modes of existence, which limits his perception of the world. Imagination, however, as a possibility of transcendence, makes it possible to transcend one's psychological limitations and literally "see" the essential qualities of another, different from one's mode of existence. Moreover, such imagination becomes psychological insofar as it seeks to understand, through feeling,

the nuclear structure of another person or the hero of a literary work. In this paper, the concept of nuclear affects allows us to articulate the significance of psychological imagination as the ability to see the integrity of human nature. Using the example of the creation of the characters in F. M. Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*, the work of psychological imagination is demonstrated as a moment of psychological completion of the characters' personalities, which corresponds to the function of intuition. It is intuition as a boundary ability between the conscious and the unconscious that is included in the creative process of the work of the psychological imagination. In this way we get a hybrid intuitive ability to penetrate into the essential, nuclear structure of human psyche.

Keywords: psychological imagination, intuition, cognitive phenomena, consciousness, thinking, way of existence

For citation: Maslova, A. V. (2022). Epistemological analysis of imagination in literary creativity: the role of intuition in the creation of Heroes. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 66–78. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.06>

Воображение и тайна сознания

Сила воображения столь велика, что может привести к изменениям процессов в теле, самочувствию и даже порождению новых клеток в головном мозге. То, что называется силой сознания, еще до конца не изучено, поэтому эта тема столь притягательна для философии, подобно аттрактору она манит своей загадочностью. Если принять, что мир состоит из мельчайших энергетических волн, влияющих на нашу нервную систему, на психологию, на течение жизненных процессов и даже на общество в целом, то необходимо тщательно изучить механизмы этого влияния. В данной работе предлагается рассмотреть работу психологического воображения как способа создания психологических портретов героев литературного произведения. Проблема соотношения автора и героя ставится в контексте когнитивного действия воображения, в процессе которого происходит порождение новой реальности полноты психологического бытия.

За основу берется концепция ядерных аффектов, разработанная на стыке психологии, психиатрии и философии. Три способа существования представляют собой неслиянные модусы бытия, каждый из которых определяет психическую жизнь человека. На примере романа «Братья Карамазовы» будет показано, что Ф. М. Достоевский в своем произведении создал микрокосм психологической целостности. Уникальность этого микрокосма состоит в актуализации когнитивной способности психологического воображения. Более того, как внерациональный феномен оно является отдельным видом интуиции, наряду с чувственной, рациональной и мистической.

Воображение является *vera pars corporis* [Вирилио, 2004, с. 12] согласно Рене Декарту, который считал именно эту когнитивную способность ключевой в деле математика. Встроенность воображения в природу человека обусловлена эволюционным процессом адаптации к изменяющимся условиям

внешней и внутренней среды. Внутренняя среда представляет собой психологическую виртуальную реальность, где реализуются, будучи свернутыми, образы, предпонимание и предчувствие. Мысленный взор способен изменить человека, его отношение к привычным вещам, а также излечить от серьезных заболеваний [Диспенза, 2018, с. 206–300]. В современной нейронауке это называется нейропластичностью мозга. Происходят буквально чудесные изменения в психоэмоциональном здоровье человека, позволяющие ему преодолеть проблемы со здоровьем. Можно сказать, это работа естественной виртуальной реальности, провоцирующей реальные нейрохимические процессы. В связи с этим интересна гипотеза Д. Чалмерса относительно стирания границ между виртуальной реальностью и собственно реальностью *par excellence*. Виртуальные миры так же реальны, как и действительность *common sense* [Танюшина, 2021, с. 55].

Тривиальна фраза «мысль материальна», однако за ней стоит довольно сильная исследовательская база в области нейрофизиологии. Понятие жизненного мира становится не просто горизонтом бытия человека, но и его бессознательным помощником для реализации своих желаний и стремлений. Бессознательные образы внутреннего мира помогают улучшить свою жизнь, воплощая свои мечты в горизонте реальных событий. Воображение является посредником между двумя сферами внутреннего опыта: с одной стороны, оно эксплицирует потенциальные вспышки реального, с другой — преобразует внешнюю реальность и становится частью сознания как объемлющего информационного поля. Присутствие дуализма здесь кажется очевидным, однако если присмотреться к когнитивной способности воображения, то она не только соединяет внешнее и внутреннее, но и устраняет этот дуализм. Поскольку сознание вбирает воображение как свою неотъемлемую часть, оно становится его орудием преобразования и создания идеала [Конева, 2016]. Оно показывает нам то, чего еще нет в материальном мире, однако сама материя возникает благодаря волевым мыслительным процессам и семиозису. Декартовский дуализм остается за скобками в тот момент, когда мы начинаем размышлять о природе сознания. Сегодня с появлением квантовой теории и применением квантовой механики к процессам в сознании размывается сама граница между материей и тем, что ею не является. Более того, у нас нет ничего, кроме наших органов чувств и уверенности в правдивости их данных, что могло бы доказать существование «внешней» реальности. Онтология Парменида призывает исходить из тождества бытия и мышления еще до того, как мы стали разводить временное и вечное. Отсутствие дуализма открывает возможность понимать сознание как целостный онтогносеологический феномен, где внерациональные способности определяют, казалось бы, не поддающиеся управлению части сознания [Бажанов, 2016; Гаспарян, 2020, с. 84; Лешкевич, 2018, с. 220,]. Верно, что «только человеческие существа способны силой мысли повергнуть себя в отчаяние или привести в состояние радости, не испытывая никакого влияния извне» [Ньюберг, Уолдман, 2012, с. 118–119]. В этом, пожалуй,

заключается ключевое отличие человека от других живых существ. Литература как искусство воображать относится к той части сознания, где оно переходит в свою иную форму. О теле и способности воображать Жан-Люк Нанси пишет: «Продолжая идти под дождем и воображая форму горы, какой не существует в этом мире, — дождь бил по капюшону, словно камни, — я становился формой несуществующей горы» [Нанси, 1999, с. 147]. Язык, эта бесконечная сила творчества, позволяет сознанию выйти за пределы своего актуального восприятия реальности, быть запредельной сущностью, быть реальностью нереального.

Мышление как движущая сила сознания становится действительно тождественна бытию. «...Мысль есть тело, наемное пространство (location) бытия, иначе говоря, еще одно существование» [Нанси, 1999, с. 149]. В этом двойном существовании происходит акт творения. В этом зазоре бытия сознание сталкивается с новой реальностью, с тем, чего нет в действительности наших органов чувств.

Само воображение, его творческая сила стала оцениваться как ценность не так давно, начиная с эпохи Романтизма, по заверениям М. Пикеринга и К. Негуса [Негус, Пикеринг, 2011, с. 229]. До этого времени ученый и писатель понимались не как творцы, а лишь как те, кто мог читать книгу Природы и воспроизвести Божественное творение души. Сегодня мы видим в ученом уже не читателя, но писателя книги Природы, творца новых знаний, наполненных озарениями и творческим поиском истины. В этом смысле показателен опыт алхимика, который в своей лаборатории, подобно современному химику, ищущему новый способ блокировать раковые клетки, занят поиском философского камня, универсального средства вечной молодости, счастья и преобразователя металлов в золото. Ученый становится человеком искусства, а те, кто занимали нишу искусства, поэты, писатели, художники, музыканты, все они находятся в прямом контакте с вдохновением и воображением. Область, с которой они соприкасаются, позволяет достроить представление о мире до его целостности. «Эпифанию, или внезапное озарение можно описать как раскрытие значения, которое “способствует и/или служит основой для духовно значимой полноты или целостности”» [Негус, Пикеринг, 2011, с. 230]. Искусство как раз и питается от эпифанического опыта, природа которого наполнена буйством воображения.

Гильберт Райл в своей книге «Понятие сознания», определяя воображение включает в кавычки глаголы: *видеть*, *слышать*, *ощущать* и т. д. [Райл, 1999, с. 240]. Кавычки дают нам сигнал, что воображение не относится к действительному положению дел, это *als ob* реальности, хотя сама реальность представлена нам не иначе как через виртуальные волны цвета и звука. По меткому выражению нейрофизиологов Э. Ньюберга и М. Р. Уолдмана: «Цвет — плод нашего воображения, как и наше восприятие мира» [Ньюберг, Уолдман, 2012, с. 286]. То есть реальность является следствием работы, как скажет немецкий философ из Кенигсберга, продуктивной способности воображения. Именно

воображение является ключевой способностью генерировать представление о действительности, к которой мы не можем даже прикоснуться. В науке есть такой феномен, как теоретическая нагруженность факта; так здесь ситуация, сходная с этим феноменом: наше представление о мире нагружено воображением и от этого пока никуда не деться. Принятие этого факта нагруженности открывает путь к рассмотрению воображения как объемлющего поля целостностей реального мира, его представлений. Сознание благодаря воображению получает силу выхода за пределы самого себя. Г. Плеснер определял человека как принципиально эксцентричное существо: «...он не является ни самым близким себе, ни самым далеким от себя, и именно в этой эксцентричности своей жизненной формы он обнаруживает себя как отдельный элемент в стихии бытия, и тем самым, несмотря на несоразмерный бытию характер своего существования, входит в один ряд со всеми вещами этого мира» [Плеснер, 2004, с. 9]. Включенность человека в мировое целое, его вовлеченность в постоянный процесс самотворчества позволяет когнитивным способностям человека, его сознанию приоткрывать эту целостность, достраивать мир и самого себя. К такому целому относится идея ядерного аффекта, разработанная в лаборатории междисциплинарного синтеза психиатрии, психологии и философии [Вельтищев, 2006]. Несмотря на способность мозга меняться, подобно тому как Д. Дэннет определяет сознание через модель множественных набросков, все-таки остается неизменная структура психической реальности, возможность быть собой посредством единого стержня, определяющего поведение, реакции человека.

Психологическое воображение

Воображение является психологическим феноменом, поэтому следует пояснить сам термин *психологическое воображение* и его обоснованность в свете проблемы интуиции и творчества. Как мы описали выше, воображение является связующим звеном между разрозненными обрывками реальности и целостным представлением о мире. В связи с этим психологическое воображение выполняет данную функцию, но только не с реальностью как таковой, а с психическими характеристиками личности; оно помогает «увидеть» полноту психической жизни личности. Так происходит в процессе создания литературного произведения с участием различных героев, которые совершают поступки и принимают решения. Автор в данном случае является носителем психологического воображения, помогающего ему воплотить на страницах произведения целостные образы личностей героев.

Поиск единой и неизменной психической структуры занимает психологов и философов не один эон: начиная с Древней Греции были попытки описать душу как таковую в ее целостности. В Новое время появляется дисциплина — философская психология, которая призвана пролить свет на постулированный

Декартом феномен *res cogitans*. Однако этого было недостаточно, и в XIX в. возникает психология как отдельная ветвь гуманитарного знания, а сегодня уже психология стала междисциплинарным полем для решения вопросов, касающихся человеческой природы. В настоящем исследовании мы будем опираться на междисциплинарную концепцию ядерных аффектов, согласно которой человеческий мир разделен на три части, на три ядерных аффекта. Это три генуинные структуры, благодаря которым сохраняется единство и стабильность проявлений психики человека [Лызлов, Серавина, Ковалевская, 2011; Лызлов, Серавина, Ковалевская, 2012; Лызлов, Серавина, Ковалевская, 2013].

В качестве *case study* мы рассмотрим работу психологического воображения Ф. М. Достоевского и его воплощения в романе «Братья Карамазовы». Полифоничность романа заставляет нас вглядываться вглубь каждого героя, в поиске единства и целостности. Однако гений Достоевского изобразил не гармонию целого, но раскол единого. Причем этот раскол открывает возможность выхода за пределы своего ограниченного внутреннего круга, организующего личность, что открывает расширенную природу сознания. Эта трансдукция психического проявилась в героях братьев Карамазовых, в каждом из них произошла трансценденция за пределы своего ядерного аффекта.

Философское вопрошание обязывает нас задать вопрос о количестве ядерных аффектов: почему всего три, а не, например, четыре? Этот вопрос хоть и выходит за пределы нашего исследования, но позволим себе ответить на него. Возможно, в психиатрической практике пока получили наибольшую эффективность именно три ядерных аффекта, четвертого просто не встречалось на практике. Более того, в теоретическом обосновании теории ядерных аффектов применяется философия В. Дильтея, С. Кьеркегора и М. Хайдеггера, которые делили человеческую природу и мир на три составляющие. Три типа мировоззрения, три вида отчаяния и три способа бытия в мире характеризуют определенный способ восприятия реальности, как внешней, так и внутренней. Удивительность психологического воображения состоит в сборке воедино всех трех разрозненных способов существования.

Три брата, три личности, одна судьба, которую психологический гений Ф. М. Достоевский смог репрезентировать в своем романе. Если Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» показывает в одном произведении столкновение характеров как трех целостностей, то Ф. М. Достоевский показывает расколотость целостности. На самом деле целостности никакой нет, это только виртуальность единства с двумя остальными ядерными аффектами, носителями которых являются другие, но не «Я».

Абсурд одностороннего существования человека вскрывается в акте отчаяния, когда возможен просвет инаковости. В этот момент происходит разрыв с самостью, представляющей один из трех способов бытия. Открытие пределов собственного психического горизонта приводит к смешению реального и идеального в сознании. Более того, самость рождается из семиозиса, который определяет ментальность и привычки поведения [Кон, 2018, с. 71]. Ядерный

аффект в этом смысле является нуклеарной частью семиотической сетки жизни, набрасываемой на разрозненные кластеры впечатлений. В обычной жизни ядерный аффект и семиозис находятся в гармонии, когда реакции и душевные интенции соответствуют гениальной психической структуре личности. В творческом процессе создания образов героев происходит вначале раскачивание внутренней гармоничной целостности, потом выход за ее пределы для наиболее точного описания психологических портретов героев. Так происходит с Достоевским, когда он создает образы трех братьев романа «Братья Карамазовы». Сам автор романа, являясь носителем лишь одного из трех ядерных аффектов, а именно тоскливого (что соответствует средневековому способу существования), выстраивает семиотическую сеть двух других. В этом состоит интуиция мыслей, чувств и эмоций другого, чему способствует развитое воображение. *Intuitio* (лат.) означает прямое видение, непосредственное восприятие, связанное, как правило, с визуализацией. Существует несколько видов интуиции, такие как чувственная, интеллектуальная, мистическая, эйдетическая, концептуальная, а также профессиональная. Способность эмпатии коррелирует с чувственной интуицией, одним из качеств которой является невыразимость. Только после испытания озарения можно вербализовать «увиденное». Также интуиция обладает функцией самодообраивания: она с помощью мгновенного схватывания целостной картины воспроизводит недостающие пазлы [Князева, Курдюмов, 1994]. Психологическое воображение выполняет сходную с интуицией самодообраивания функцию: оно способно схватить сущностное ядро собственного способа существования и двух других, отличных от него. Увидеть целостность психики позволяет именно интуитивная способность проникать в инаковость другого и воспроизвести из нее целостную личность, которую, пожалуй, может вобрать *de facto* существо только Божественного порядка. Алексей, Дмитрий и Иван в качестве плода воображения Достоевского являются расширением его сознания, как если бы он сам одновременно был и не был самим собой и героями собственного романа. Возможно, образы героев, как правило, приходят бессознательно, как поток интуитивных озарений, сплавленных со способностью воображения. Внутренний взор способен на многое, что показывает психологическая практика американского психолога А. Лазаруса [Лазарус, 2000]. В момент внутреннего озарения происходит удивительная психосоматическая настройка на «увиденный» образ. Так работает интуиция, когнитивная способность, находящаяся на границе бессознательного и сознательного, биосемиотического и символического. Эмпатическая сила вживания в переживания другого отражает способность расширять с помощью сознания семиотическое поле, в котором рождаются символические зоны понимания. Особенно сильно это свойство сознания проявляется в переживании воображаемых миров в процессе чтения литературного произведения [Шохин, 2021].

Так, главный герой романа Алексей Карамазов представляет собой созвучный самому автору романа способ существования, который размыкает реальность

посредством чувства [Лызлов, Серавина, Ковалевская, 2012, с. 63]. В контексте христианской традиции — это вера, надежда, любовь. Поэтому Алексей предстает в образе монаха, посвятившего свою жизнь любви к Богу. Описывая Алексея и выстраивая в романе его линию судьбы, Достоевский описывает самого себя, эксплицирует свои внутренние интенции. Примечательно, что в романе именно Алексей играет роль аттрактора чувств своих братьев, он притягивает их подобно гравитации, не давая им сорваться в состояние отрешенности, что указывает на ось романа, а именно на ядро личности самого автора.

Способность психологического воображения способствует прямому видению реакций и последствий поступков тех личностей, чья структура отлична от носителя психологического воображения. В этом состоит интуитивное достраивание психической реальности до ее целостности, которая репрезентируется в образах героев. Психологическое воображение в данном случае выполняет функцию интуиции как способности мгновенно находить недостающие пазлы в картину психической реальности человека.

Инаковость другого открывает для сознания новые семантические поля, которые нуждаются в достраивании до целостного представления. Как правило, мы не осознаем, какого ядерного аффекта мы сами являемся, а действуем внутри него в большей степени по сформировавшейся привычке, поэтому можно предугадывать те или иные поступки людей, поскольку их действия предопределены их ментальными, психическими привычками.

Автор романа, выстраивая линии жизни своих героев должен разомкнуть свой горизонт ядерного аффекта, выйти за его пределы с помощью способности сознания представить иную психическую детерминанту и при этом не утратить собственную. Если утрачивается собственная целостность семиотического поля привычек, то происходит психическая деменция, искажение восприятия себя самого, что похоже на симптомы шизофрении. Развитое воображение, или гиперфантазия, способствует появлению и усилению страхов, а также психозов, поэтому у робота с искусственным интеллектом невозможны какие-либо психические отклонения, даже если он будет испытывать квази-эмоции. Поэтому исследование феномена воображения, в том числе психологического, необходимо для лучшего понимания измененных состояний сознания, когда границы субъективного размываются и сознание уже перестает быть цензором нашей жизни, а перевоплощается в проводника в иные психические реальности. В процессе создания литературного произведения сознание автора претерпевает подобную трансформацию, только без химических стимуляций извне. Психологическое воображение выступает в нашем исследовании в качестве стимулятора трансперсональной функции сознания, оно активизирует способность как бы становления другим человеком в глубинном психическом смысле. Более того, психологическое воображение в сочетании с литературным талантом помогает наиболее точно описать инаковость другого.

В теории ядерных аффектов существует понятие идеала, которое означает интенцию к другому способу бытия, стремление к обретению тех качеств,

которых не хватает в собственном способе бытия. Герой романа Алексей предстает в роли такого идеала для Дмитрия и Ивана одновременно; по сути, это стягивание двух лучей, направленных на сознание автора, представляющее собой третий способ существования.

Пересечение жизненных миров автора и героев происходит в границах естественной виртуальной реальности творца произведения, причем сама граница этих миров устанавливается благодаря интуиции, с помощью которой достраивается целостность психической реальности. Таким образом, мы можем сказать, что психологическое воображение является интуитивной способностью прямо видеть ядерную структуру психики человека, поскольку герои романа в своих проявлениях отражают изнанку психики человека, подчас в жизни при естественном наблюдении недоступную взору не только обывателя, но и профессиональных психологов.

В данной статье было проанализировано понятие психологического воображения в качестве интуитивной способности усматривать ядро психики человека. На основе концепции ядерных аффектов была выдвинута гипотеза о наличии в сознании способности психологического воображения, которое активизируется при создании, в частности, литературного произведения и выстраивании жизненных линий героев. На примере романа Достоевского «Братья Карамазовы» мы выявили, что характеры трех братьев являются расширением сознания самого автора, причем именно точное описание поведения двух чуждых автору аффектов демонстрирует способность психологического воображения. Делается вывод, что психологическое воображение является одним из видов интуиции, коррелирующей с чувственной интуицией и интуицией самодостраивания. Можно сказать, что психологическое воображение демонстрирует совершенно новую интуитивную способность, которая не обязательно присутствует только у писателей, которые смогли психологически точно описать своих героев как различные модусы бытия, проявляющиеся в трех ядерных аффектах. Поэтому особенно важно развивать психологическое воображение практикующим психологам и всем, кто вступает в диалог, так как ключевой аспект человеческого взаимодействия — это понимание, а без интуиции достичь понимания, как правило, невозможно.

Список литературы

1. Бажанов В. А. Социально-культурная революция в нейронауке: новые грани кантианской программы // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 126–138.
2. Вельтищев Д. Ю. Аффективная модель стрессовых расстройств: психическая травма, ядерный аффект и депрессивный спектр // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. Т. 1. № 3. С. 104–108.
3. Вилирио П. Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 140 с.
4. Гаспарян Д. Э. Феноменология без трансцендентального субъекта: нейрофеноменология и энактивизм в поисках перспективы от первого лица // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 1. С. 80–96.

5. Диспенза Д. Сверхъестественный разум. Как обычные люди делают невозможное с помощью силы подсознания. М.: Э, 2018. 560 с.
6. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодообраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 110–122.
7. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
8. Конева А. В. Понятие и структура социального воображения // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 51–60.
9. Лазарус А. Мысленным взором: образы как средство психотерапии. М.: Класс, 2000. 144 с.
10. Лешкевич Т. Г. «Сознание, творящее реальность». Есть ли выход из словесного лабиринта? // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 220–227.
11. Лызлов А. В., Серавина О. Б., Ковалевская О. Ф. Апатия как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа // Вопросы психологии. 2013. № 2. С. 65–79.
12. Лызлов А. В., Серавина О. Б., Ковалевская О. Ф. Тоска как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 62–72.
13. Лызлов А. В., Серавина О. Б., Ковалевская О. Ф. Тревога как ядерный аффект: опыт структурно-психологического анализа // Вопросы психологии. 2011. № 4. С. 66–77.
14. Лызлов А. В., Серавина О. Ф., Ковалевская О. Б. Феноменология восприятия и аффективность // Вопросы психологии. 2011. № 2. С. 101–111.
15. Нанси Жан-Люк. *Corpus*. М.: Ad marginem, 1999. 255 с.
16. Негус К., Пикеринг М. Креативность. Харьков: Гуманитарный Центр, 2011. 299 с.
17. Ньюберг Э., Уолдман М. Р. Как Бог влияет на ваш мозг: революционные открытия в нейробиологии. М.: Эксмо, 2012. 569 с.
18. Плеснер Г. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М.: РОССПЭН, 2004. 367 с.
19. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
20. Танюшина А. А. Виртуальный реализм, информационная онтология сознания и структурный реализм в философии Дэвида Чалмерса // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 4. С. 53–64.
21. Шохин В. К. Так называемый парадокс художественной литературы и трансцендентальная онтология // Философский журнал. 2021. Т. 14. № 1. С. 20–35.

References

1. Bazhanov, V. A. (2016). Social'no-kul'turnaya revolyuciya v nejronauke: novy'e grani kantianskoj programmy` [The Socio-Cultural Revolution in Neuroscience: New Facets of the Kantian Program]. *Question of philosophy*, 8, 126–138. (In Russian).
2. Dispenza, D. (2018). *Sverhestestvennyj razum. Kak obychnye lyudi delayut nevozmozhnoe s pomoshch'yu sily podsoznaniya* [A Supernatural mind. How ordinary people do the impossible with the power of the subconscious]. Moscow: E. 560 p. (In Russian).
3. Gasparyan, D. E. (2020). Fenomenologiya bez transcendental'nogo sub`ekta: nejrofenomenologiya i enaktivizm v poiskah perspektivy` ot pervogo lica [Phenomenology without a transcendental subject: Neurophenomenology and enactivism in search of a first-person perspective]. *Philosophy magazine*, 13, 1, 80–96. (In Russian).
4. Knyazeva, E. N. & Kurdyumov, S. P. (1994). Intuiciya kak samodoobraivanie [Intuition as self-construction]. *Questions of philosophy*, 2, 110–122. (In Russian).

5. Kon, E. (2018). *Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka* [How forests think: Towards anthropology on the other side of man]. Moscow: Ad Marginem Press. 344 p. (In Russian).
6. Koneva, A. V. (2016). Ponyatie i struktura social'nogo voobrazheniya [The Concept and the Structure of Social Imagination]. *Questions of philosophy*, 5, 51–60. (In Russian).
7. Lazarus, A. (2000). *Myslennym vzorom: Obrazy kak sredstvo psihoterapii* [In the mind's eye: The power of Imagery for personal Enrichment]. 144 p. Moscow: Klass. (In Russian).
8. Leshkevich, T. G. (2018). «Soznanie, tvoryashchee real'nost'». Est' li vy'hod iz slovesnogo labirinta? [“Consciousness creates reality”. Is there a way out of the verbal labyrinth?] // *Epistemology and philosophy of science*, 55, 2, 220–227. (In Russian).
9. Ly'zlov A.V., Seravina O.B., & Kovalevskaya O.F. (2013) Apatiya kak yadernyj affekt: opyt strukturno-psihologicheskogo analiza [Apathy as a nuclear affect: experience of structural-psychological analysis]. *Questions of psychology. Voprosy psihology*, 2, 65–79. (In Russian).
10. Ly'zlov, A. V., Seravina, O. B., & Kovalevskaya, O. F. (2012). Toska kak yadernyj affekt: opyt strukturno-psihologicheskogo analiza [Longing as a nuclear affect: experience of structural-psychological analysis]. *Questions of psychology*, 5, 62–72. (In Russian).
11. Ly'zlov, A. V., Seravina, O. B., & Kovalevskaya, O. F. (2011). Trevoga kak yadernyj affekt: opyt strukturno-psihologicheskogo analiza [Anxiety as a nuclear affect: experience of structural-psychological analysis]. *Questions of psychology*, 4, 66–77. (In Russian).
12. Ly'zlov, A. V., Seravina, O. F., & Kovalevskaya, O. B. (2011). Fenomenologiya vospriyatiya i affektivnost' [Phenomenology of perception and affectivity]. *Questions of psychology*, 2, 101–111. (In Russian).
13. Nansi, Zhan-Lyuk. (1999). *Corpus*. Moscow: Ad marginem. 255 p. (In Russian).
14. Negus, K., & Pikerin M. (2011). *Kreativnost'* [Creativity]. 299 p. Kharkov: Gumanitarnyj Center. (In Russian).
15. N'yuberg, E., & Uoldman M. R. (2012). *Kak Bog vliyaet na nash mozg: Revolyucionnye otkrytiya v neyrobiologii* [Hiw God impacts our brain: Revolutionary discoveries in neurobiology]. Moscow: Eksmo. (In Russian).
16. Plesner, G. (2004). *Stupeni organicheskogo i chelovek: Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [The levels of organic and human: Introduction to philosophical anthropology] Moscow: ROSSPEN. 367 p. (In Russian).
17. Ryle, G. (1999). *Ponyatie soznaniya* [The notion of consciousness]. Moscow: Ideya-Press; Dom intellektual'noj knigi. 408 p. (In Russian).
18. Shohin, V. K. (2021). Tak nazyvaemyj paradoks hudozhestvennoj literatury i transcendentallynyya ontologiya [The so-called paradox of fiction and transcendental ontology]. *Philosophy journal*, 14, 1, 20–35. (In Russian).
19. Tanyushina, A. A. (2021). Virtualnyj realizm, informacionnaya ontologiyasoznaniya i strukturnyj realizm v filosofii Devida Chalmersa [Virtual realism, information ontology of consciousness and structural realism in the philosophy of David Chalmers]. *Philosophy journal*, 14, 4, 53–64. (In Russian).
20. Vel'tish'ev, D. Yu. (2006). Affektivnaya model' stressovy'h rasstrojstv: psihicheskaya travma, yadernyj affekt i depressivnyj spektr [The affective model of stress disorder: trauma, nuclear affect and the depressive spectrum]. *Social'naya i klinicheskaya psixiatriya*, 1, 3, 104–108. (In Russian).
21. Vilirio, P. (2004). *Mashina zreniya* [The vision machine]. Sankt Petersburg: Nauka. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Маслова Анастасия Владиленовна — кандидат философских наук, доцент кафедры философских наук, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, Москва, Россия, 109240,
an_maslova@inbox.ru

Maslova Anastasia Vladilenovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophical Sciences Moscow State Linguistic University, Ostozhenka str., 38, b. 1, Moscow, Russia, 109240,
an_maslova@inbox.ru